

УДК 811.161.1

UDC 811.161.1

Годизова Зара Иосифовна

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова

г. Владикавказ, Российская Федерация

Zara I. Godizova

North Ossetian State University after K. L. Khetagurov

Vladikavkaz, Russian Federation

godizovazi@rambler.ru

**СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СТАТАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
MEANS AND INSTRUMENTS OF EXPRESSING STATIVITY
IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

Аннотация

Статья посвящена выявлению и описанию средств и способов выражения семантики статальности в современном русском языке. В настоящее время статальность является гораздо менее исследованной по сравнению с другими аспектуальными значениями – остаётся много нерешённых проблем, связанных с этой функционально-семантической категорией. Слова с семантикой статальности – это часто синкретичные классы слов, до конца не отмежёванные от других частей речи на основании лексико-семантических и грамматических особенностей. В связи с этим возникает необходимость более чёткого определения их структурно-грамматических особенностей, позволяющих поместить их в особую категорию слов, объединённую семантикой статальности. В результате проведённого исследования определены структура поля статальности, его центр и периферия, выявлены морфологические и синтаксические средства выражения статальности. При анализе морфологических средств особое внимание уделено стативам и словам категории состояния как основным единицам с семантикой состояния. Из синтаксических средств выражения статальности более пристально рассматриваются безличные конструкции, которым отводится значительное место в поле статальности. Перспективу исследования семантической категории статальности составит её сопоставительное изучение как в синхронном, так и в диахроническом плане.

Abstract

The article aims to identify and describe the means and ways of expressing the semantics of stativity in the modern Russian. Currently, the static character is much less investigated in comparison with other aspectual meanings – there is a number of challenging issues associated with this functional-semantic category. Words with semantics of stativity are often syncretic classes of words, not clearly separated from other parts of speech in terms of lexico-semantic and grammatical features. In this regard, there is a need for a clearer definition of their structural and grammatical features that would allow to place them into a special category of words united by the semantics of stativity. The obtained results enabled to define the structure of the field of stativity, its center and periphery as well as to determine morphological and syntactic means of expression of stativity. The analysis of morphological means was more focused on the statives and words of the state category as the basic units with the semantics of the state. Among the syntactical means of expressing stativity, impersonal constructions were more closely considered as they present a significant part in the field of stativity. The outlook for further study of the semantic category of static character is seen in comparative synchronic and diachronic study of the phenomenon.

Ключевые слова: качественная аспектуальность, статальность, функционально-семантическая категория, статив, пассив и результатив, перфектность, структурно-грамматические особенности, морфологические средства, синтаксические средства.

Keywords: qualitative aspectuality, stativity, functional-semantic category, stative, passive and resultative verbs, perfectivity, structural grammar peculiarities, morphological instruments, syntactic instruments.

1. Введение

Статальность – это элемент качественной аспектуальности [Маслов, 1978], функционально-семантическая категория, имеющая разнообразные языковые средства выражения. Оппозиция «динамика-статика» находит соответствие в реалиях действительности, отражённых через сознание человека в языке. Есть языки, в которых это противопоставление формально выражено, однако в русском языке данная оппозиция имеет только семантический характер. Языки схожи в такой особенности: глаголов действия в любом языке гораздо больше, чем глаголов состояния.

В современном русском языке существуют разнообразные языковые средства, выражающие семантику состояния. Слов с семантикой состояния можно выделить достаточно много среди разных частей речи: прилагательных, причастий (предикативных и атрибутивных), глаголов, существительных. Наконец, существует даже специальная часть речи, основным категориальным значением которой является именно выражение состояния – это слова категории состояния. Отмечается такая интересная тенденция в русском языке – категория статальности как бы десемантизирует другие части речи и «втягивает» их в свою систему, следствием чего является трансформация их грамматических признаков. Всё изложенное подтверждает актуальность и жизнеспособность данного языкового значения.

В настоящее время статальность является гораздо менее исследованной по сравнению с другими аспектуальными значениями, поскольку остаётся много проблем, связанных с этой функционально-семантической категорией. Так, например, отсутствует комплексное исследование лексико-семантических, грамматических, словообразовательных особенностей всех языковых средств выражения статальности. Особенно актуальным представляется выявление грамматических признаков «стативов» (в широком смысле – Г.З.), определение присущих им грамматических категорий и особенностей их проявления (в этой связи особенную актуальность приобретают грамматические категории вида и времени). Грамматические классы слов с семантикой статальности представляют интерес ещё и потому, что часто это синкретичные классы слов, полностью не отмежёванные от других частей речи на основании лексико-семантических и грамматических особенностей, в связи с чем возникает необходимость более чёткого определения их структурно-грамматических признаков, позволяющих поместить их в особую категорию слов, объединённую семантикой статальности. Не претендуя разрешить все имеющиеся проблемы, связанные с функционально-семантической категорией статальности, в рамках данной статьи, попытаемся определить возможные средства и способы выражения статальности в современном русском языке.

2. Статальность как функционально-семантическое поле

2.1. Методика исследования

Методологическую основу исследования составила теория функционально-семантических полей А. В. Бондарко, уходящая своими истоками в труды И. И. Мещанинова, О. Есперсена, Л. В. Щербы, С. Д. Кацнельсона. [Теория функциональной грамматики, 2014, с. 5–40; Мещанинов, 1945; Есперсен, 2002; Щерба, 1974; Кацнельсон, 1986, с. 145–152]

В исследовании были использованы следующие методы: наблюдения, описания, функционально-семантического анализа, при анализе и обобщении языковых явлений применялась описательная статистика (метод простого количественного подсчёта).

Материалом для исследования послужили произведения русских писателей Ф. М. Достоевского, М. М. Зощенко, В. И. Шукшина и др. – всего 17 произведений (см. раздел «Источники»). Материал выделен из Национального корпуса русского языка методом сплошной выборки.

2.2. Обсуждение результатов

В ходе исследования было установлено, что наиболее широкий диапазон средств выражения стательности имеется на морфологическом уровне. Это прежде всего глаголы стательного способа действия (СД). Мы придерживаемся широкого понимания СД, согласно которому СД – это семантические группировки, выделяемые по общности аспектуального значения, которые могут иметь или не иметь специальные формальные показатели (приставки, суффиксы, конфиксы). Глаголы стательного СД, будучи морфемно не характеризованными, эксплицитно выражают семантику состояния. Это может быть физическое или психическое состояние человека, расположение предмета в пространстве. Состояние может характеризоваться длительностью, что подчёркивается соответствующими обстоятельствами (*в течение двух месяцев, три дня, третий день, по многу часов* и т.п.). Например:

(1) *Старик Наум Евстигнейч хворал с похмелья. **Лежал** на печке, стонал. Раз в месяц – с пенсии – Евстигнейч аккуратно напивался и после этого **три дня лежал** в лёжку* (Шукшин, 1966).

(2) *Такое же небо **висело** над северным городом Апатиты, откуда Глеб двадцать лет назад убежал в столицу* (Иванов, 2012).

(3) ***Бодело** уже **третий день**, похоже, нерв начал обнажаться, и Тимур Ахмедович записался к стоматологу как раз на завтра, зная, что после суточного дежурства ему полагается выходной* (Маринина, 2014).

(4) *Над надписью – рисунок: безобразный алкаш сломал тоненькую берёзку и сидит, ни на кого не смотрит. – **Горюет!.. Жалко*** (Шукшин, 1971).

Если для глаголов стательного СД значение состояния является основным в их семантической структуре, то имплицитно любой глагол совершенного вида подразумевает переход предмета в новое состояние, обозначая действие целостное и достигшее своего внутреннего предела:

(5) *Баста. **Зачерствело** (зачерствело и стало чёрствым – Г. З.) моё сердце. Пушай ближние больше на меня не рассчитывают* (Зощенко, 1920).

Из глагольных форм наиболее склонны к развитию семантики состояния страдательные причастия совершенного вида (предикативные и атрибутивные) в силу характерной для них результативности. Как правило, они обозначают какое-то состояние предмета, явившееся результатом действия, расположение предмета в пространстве, установление пространственной смежности между предметами, например:

(6) *Никитушка вольно раскинулся у корней тополя, ворот **растёгнут**, сияют глаза* (Попов, 2003).

(7) *Рябые грязные ступеньки **были закиданы** разорванными картонными коробками, и рядами, словно в ложе, сидели бомжи* (Попов, 2003).

(8) *Вот гляди: у меня к ящику с незаполненными формулярами **приклеена** фотокарточка, контакт. Ничего не видно на этом контакте, лицо волосами **завешено**, две ноги и две руки: в позе «Мыслителя» Родена* (Петрушевская, 1987).

(9) *Психопат поглядывался, не нашёл близко табуретки, присел на жёсткий диван, **застеленный** белой простышкой, на краешек* (Шукшин, 1970–1974).

Статальность непосредственно связана с такими сложными грамматическими явлениями, как пассив, статив, результатив, перфектность [Буланин, 1986; Типология результативных конструкций, 1983; Маслов, 1983; Князев, 1983; Теория функциональной грамматики, 2014]. Под стативом в узком смысле мы, вслед за Л. Л. Буланиным, понимаем причастия, подвергшиеся адъективации, так называемые отпричастные прилагательные: «... формы и конструкции, содержащие отпричастное стативное прилагательное в полной (сломанная скамейка) или краткой (скамейка сломана) форме» [Буланин, 1986, с. 79]. Такие причастия очень неоднородны: одни из них обозначают состояние, явившееся результатом предшествующего действия, другие же омонимичны причастиям, но не содержат в своей семантике действия, а обозначают только статичный признак. В связи с этим некоторые учёные вводят наряду со стативом понятие результатива [Типология результативных конструкций, 1983, с. 7]. Различие между стативом и результативом состоит в том, что статив сообщает только о состоянии предмета, результатив же – одновременно о состоянии и предшествующем ему действии, результатом которого явилось это состояние. Например, в приведённом ниже примере состояние предмета является следствием совершённого действия:

(10) *Знакомо глянули на него зелено-грязноватые, закоптелые, пыльные стены его маленькой комнатки, его комод красного дерева, стулья под красное дерево, стол, **окрашенный** (ср. цветок, **окрашенный** в нежно-розовый цвет – Г. З.)¹ красною краской, клеёнчатый турецкий диван красноватого цвета, с зелёнькими цветочками и, наконец, вчера впопыхах снятое платье и брошенное комком на диване* (Достоевский, 1846).

В том случае, если в причастии актуальна семантика и действия, и состояния, явившегося результатом этого действия, глагольные грамматические категории проявляются довольно отчётливо: страдательный залог, совершенный вид, прошедшее время. Если же обозначается только статичный признак, не вызванный предшествующим действием, глагольные грамматические категории либо выступают в деформированном виде, либо вообще неактуальны².

Л. Л. Буланин отмечает, что статив, будучи привлекательным лингвистическим объектом, интересен прежде всего в сопоставлении с пассивом: «Главное отличие пассива от статива состоит в том, что пассив представляет собой систему форм страдательного залога, входящую в глагольную парадигму. Статив в глагольную парадигму не входит и системой форм не является» [Буланин, 1986, с. 80].

¹ Такие случаи Л. Л. Буланин склонен рассматривать как грамматические омонимы, выражающие разные грамматические значения – причастное и адъективно-причастное, хотя и отмечает трудность выбора между омонимией и полисемией: если в пользу омонимии говорит факт несовпадения грамматических значений, то против омонимии и в пользу синонимии говорит контекстуальный характер подобных отпричастных прилагательных и их очевидная связь с глаголами совершенного вида [Буланин, 1986, с. 37].

² Подробно разные случаи функционирования таких причастий анализирует Л. Л. Буланин [Буланин, 1986, с. 30–38]. Например, он приводит такой контекст: «Учили строевому маршу с ружьём, обязательно со скатанной шинелью через плечо и в высоких казённых сапогах (Куприн, Юнкера)». Для причастия *скатанный* он считает более актуальной семантику состояния, которое предполагает некоторую длительность, что противоречит значению совершенного вида [Там же, с. 33]. В другом примере («В дверь постучали, и он [Юрий Левитин] быстрым, заранее намеченным движением ловко бросил книгу на полку и обернулся. В двери, *рассечённой* пополам беспощадным пробором и линией золотых пуговиц кителя, стоял мичман Гудков (Соболев)») причастие *рассечённый* характеризуется им следующим образом: «Форма рассечённой имеет скорее значение НСВ (линия рассекала, а не рассекла дверь). Перфектности как признака СВ здесь нет, так как никакое предшествующее действие, результат которого мог бы ощущаться в момент речи, не имело места. Зато в пассивном залоговом значении формы трудно сомневаться (ср.: дверь рассекалась пополам линией пуговиц и пробором на голове). Возникает следующий набор значений: НСВ, относительное значение одновременности, страдательный залог» [Там же, с. 34].

Ю. П. Князев в своей монографии подробно рассматривает страдательные причастия совершенного вида (с суффиксами *-н*, *-т*) и всю проблематику, связанную с ними [Князев, 1989]. Он также отмечает неоднородность конструкций с этими причастиями в плане статальности / акциональности.

Статив тесно связан и с перфектом, имеющим двойственную природу: действие осуществляется в прошлом, а его результат (представленный как состояние – Г.З.) наличествует в настоящем [Теория функциональной грамматики, 2014, с. 195–210]. В зависимости от того, какой из этих двух планов актуальнее, различают статальную и акциональную перфектность [Там же, с. 195–210]. Грамматические особенности перфекта по линии залога, вида, времени, а также его лексические ограничения довольно подробно описаны Ю. С. Масловым³ [Там же, с. 195–209].

Одним из центральных средств выражения статальности в современном русском языке являются слова категории состояния. Категория состояния [Щерба, 1974], безлично-предикативные слова [Пешковский, 2001], предикативные наречия [Овсяннико-Куликовский, 1912 ; Шахматов, 2001 ; Русская грамматика, 2005], предикативы [Русская грамматика, 2005] – это неизменяемые слова, обозначающие состояние, выступающие в качестве сказуемого односоставного безличного предложения (*совестно, стыдно, тошно, пусто, уютно, можно, нельзя, неохота, грех, стыдно, пора, досуг*).

Слова категории состояния привлекали внимание лингвистов с давних пор. Впервые обратил на них внимание Л. В. Щерба в своей статье «О частях речи в русском языке» [Щерба, 1974]. Он определил в качестве формальных признаков этой части речи «неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой с другой: первым она отличалась бы от прилагательных и глаголов, а вторым – от наречий» [Щерба, 1974, с. 74]. Л.В. Щерба при этом широко понимал категорию состояния, включая в эту часть речи и конструкции типа «*я рад, я готов, мне холодно* и т. п.».

Размытость грамматических признаков и синкретизм с другими частями речи обуславливают то, что нет общепринятого определения этой части речи, а имеющиеся определения, делая акцент на какой-то одной особенности этих слов (на семантике или на синтаксической функции), не являются удовлетворительными, так как не отражают сущности этой части речи. Однако ещё сложнее отнести слова категории состояния к какой-либо давно устоявшейся в языке категории, будь то наречие, прилагательное или глагол. Слова категории состояния являются предметом дискуссий среди русистов уже более 150 лет. Конечно, не все части речи характеризуются чёткими грамматическими признаками. К таковым можно причислить, например, имя числительное и местоимение, которые включают в себя слова с довольно разнородными грамматическими характеристиками. Слова категории состояния также не обладают такими чёткими грамматическими признаками, как, например, глагол или прилагательное. Часто достаточно трудно разграничить слова категории состояния и существительные, прилагательные, наречия хотя бы потому, что они представлены одними и теми же лексемами. Но вместе с тем довольно легко можно сформулировать общее категориальное значение этой части речи; имеют они и специфичный набор грамматических категорий и характерную только для них синтаксическую функцию. Поэтому мы разделяем мнение В. В. Виноградова и других учёных, считающих, что есть достаточные основания для выделения слов категории состояния в особую часть речи, отличную от других частей речи [Виноградов, 1972].

Есть мнение, что конструкция «связка + слово категории состояния» является основным средством выражения семантики состояния в русском языке. Основная масса слов категории состояния перешла из разряда прилагательных – это бывшие краткие

³ В Теории функциональной грамматики (2014) раздел «Перфектность» написан Ю. С. Масловым.

прилагательные среднего рода на *-о*. По мнению многих учёных, они сохраняют системные связи с прилагательным (напр., [Бабайцева, 1968, с. 61]). Абстрагирование семантики признака, выражаемого прилагательными, от предмета-носителя этого признака и обусловило возникновение слов категории состояния. Если носитель признака не определён и не актуален, то прилагательное преобразуется в категорию состояния, а двусоставная конструкция преобразуется в односоставную безличную, в которой сказуемым выступает слово категории состояния. Такого мнения придерживается и В. Н. Мигирин [Мигирин, 1970], который называет слова категории состояния бессубъектными прилагательными, а появление их связывает с перерождением двусоставных предложений в односоставные безличные: *Всё весной зелено – Весною зелено – Весной повсюду зелено*. Л. Л. Буланин считает удачным такое решение, так как слов со значением состояния много и среди других частей речи, например, глаголов (*стоять, лежать*), прилагательных (*рад, весел, грустен*); кроме того, это довольно малочисленный класс слов [Буланин, 1976].

Итак, слова категории состояния являются одним из центральных средств выражения семантики состояния в современном русском языке. Наиболее часто они обозначают состояние окружающей среды, физическое или психическое состояние человека:

(11) *На улице было сумеречно и маятно, с утра лил дождь, размывая грязные сугробы, поливая машины, зонты, железные крыши и кирпичные бока домов* (Устинова, 2003).

(12) *А знаете ли что: меня что-то подмывает, покамест доберёмся мы до Парижа, сообщить вам мои вагонные размышления, так, во имя гуманности: ведь было же мне скучно в вагоне, ну так пусть теперь будет скучно и вам* (Достоевский, 1863).

Семантика стательности может выражаться и другими частями речи, например, прилагательными и существительными:

(13) *Он был болен, мучительно болен, но более нравственно, чем физически* (Достоевский, 1862).

(14) *Тут же едят и пьют. Пивные лавки разубраны, как дворцы. Всё пьяно, но без веселья, а мрачно, тяжело, и всё как-то странно молчаливо* (Достоевский, 1863).

(15) *Вряд ли он заподозрил уважаемого и солидного господина в том, что тот решил соблазнить его жену. – Его ожидает шок. Орли пожала плечами* (Иванов, 2012).

На синтаксическом уровне одним из основных средств выражения стательности являются безличные конструкции:

(16) *Такая тоска и грусть взяла... Чуть не заплакал. Хотел как-нибудь думать и не мог – не думалось, а только больно ныло и ныло под сердцем* (Шукшин, 1967).

(17) *И думается в такие огромные, светлые, ядовитые ночи вольно, дерзко, сладко. Это даже – не думается, что-то другое: чудится, ждётся, что ли»* (Шукшин, 1967).

В односоставных безличных предложениях действие или состояние осуществляются как бы без участия субъекта, при этом степень отсутствия реального субъекта бывает, конечно, разной (ср. *Мне не спится* и *Стемнело*). Существует широкий диапазон значений от полной безличности до мнимой безличности в зависимости от многих факторов: от контекста, ситуации, немаловажно и лексическое значение глагола-сказуемого. То, что между личными и безличными конструкциями имеются очень зыбкие границы, иллюстрирует приведённый ниже пример, в котором первое предложение – личное с подлежащим, а второе – безличное, а между тем смысл выражается тождественный:

(18) *Если ты живёшь в Дальнежопинске и тебя апатия замучила, у тебя ещё есть надежда вырваться в Москву, где всё получится. Но если у тебя и в Москве не получилось, значит, надеяться не на что, и жизнь кончена* (Иванов, 2012).

Категории безличности принадлежит значительное место в поле статальности: процессы, осуществляемые без участия субъекта, легче связываются с состояниями, чем с активными действиями. Состояния, испытываемые субъектом, могут наступать без усилий со стороны субъекта, или же субъект вообще может не предполагаться, особенно когда речь идёт о явлениях природы.

Объём безличных предложений в русском языке значителен, многие учёные считают, что их количество увеличивается с течением времени [Потебня, 1958; Пешковский, 2001 и др.]. Другие исследователи полагают, что безличные конструкции составляют замкнутую группу [Золотова, 1999; Бирюлин, 1992]. В последнее время среди учёных наметилась тенденция связывать категорию безличности с русской языковой картиной мира [Вежбицкая, 1996; Тарланов, 1998 и др.]. Например, А. Вежбицкая обобщает эту идею в следующих словах: «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению» [Вежбицкая, 1996, с. 76]. Такие особенности русского национального характера, как пассивность, неспособность контролировать события и собственные эмоции, неспособность управлять ими, и обуславливают высокий статус безличности в русской языковой картине мира.

З. К. Тарланов объясняет такое богатство безличных предложений способностью русского языка представлять тончайшие нюансы окружающей реальности, а также внутреннего психологического состояния человека, такие явления, которые «объективно не зависят от воли человека, существуют вне компетенции человеческих возможностей» [Тарланов, 1998, с. 70].

Расширение безличных конструкций сопровождается и расширением способов представления главных членов предложения безличных предложений. При этом может выражаться широкий диапазон значений: состояние человека, природы, окружающей среды, модальные значения, содержащие оценку поведения человека и т. д. Сказуемое может быть выражено и не глагольным компонентом, например, в таких предложениях: *С тобой не сахар. В семье не без урода* и т. д.

Таким образом, тенденции, действующие в области категории безличности (расширение безличных конструкций и их семантического содержания, многообразие способов выражения предикатов безличности), свидетельствуют о высоком статусе категории безличности в русской языковой картине мира.

Статальность может выражаться и предложно-падежными конструкциями, например:

(19) *Я, конечно, понимаю, что в больнице лежать **никакой радости нет**, но всё же нужно было взять себя в руки и остаться* (Устинова, 2003).

(20) *Спасать её мы не стали: буйство природы нам больше **по душе*** (Попов, 2003).

В тексте разные средства выражения статальности могут выступать совместно, если имеет место какая-то статическая ситуация, представляющая описание природы, обстановки, человека и т. д., например:

(21) *Окно было раскрыто. Сад благоухал цветами. Солнце сверкало в зеркалах и в хрустальных безделушках, украшавших её комнату* (Зоценко, 1937).

(22) *И вот стою, как дурак, в кино и дожидаясь. Так очередь у кассы струится. Так дверь раскрыта на улицу – заходите. Так я стою* (Зощенко, 1932).

3. Заключение

Таким образом, семантика статальности в современном русском языке выражена разнообразными разноуровневыми единицами. К морфологическим средствам выражения статальности относятся глаголы с семантикой состояния или перехода в состояние, стивные прилагательные (причастия), слова категории состояния, прилагательные, существительные с семантикой состояния. Синтаксические средства выражения статальности представлены безличными предложениями, предложно-падежными конструкциями. В процессе функционирования языковые единицы с семантикой состояния могут выступать совместно в компонентах текста, представляющих различного рода описания.

Используя критерии эксплицитности выражения данного значения и регулярности функционирования того или иного языкового средства, к центру функционально-семантического поля статальности были отнесены глаголы с семантикой состояния или перехода в состояние, стивные прилагательные (причастия), слова категории состояния; к периферии – прилагательные, существительные с семантикой состояния, а также синтаксические средства выражения статальности (безличные предложения, предложно-падежные конструкции).

Богатый диапазон языковых средств выражения статальности в современном русском языке обусловлен, очевидно, значительной ролью семантической категории статальности, отражающей восприятие окружающей действительности человеком, а также мир его внутренних переживаний.

В дальнейшем представляется интересным исследовать семантическую категорию статальности в сопоставительном плане, например, сравнить способы выражения статальности, грамматические особенности языковых единиц с семантикой состояния в русском и осетинском языках, относящихся к единой индоевропейской семье языков. Подобное исследование позволит определить общие и отличительные особенности стивов в широком смысле в разных языках, более чётко описать признаки стивов как лексико-семантического класса слов на фоне других частей речи.

Представляет интерес не только синхронное, но и диахроническое изучение семантической категории статальности, которое позволило бы описать все этапы становления этой семантической категории, представить более зримо процесс лексико-семантического обособления стивов от синкретичных частей речи, наложивший отпечаток и на морфолого-синтаксические особенности стивов. Подобное исследование будет способствовать более полному и адекватному описанию всех возможных средств выражения статальности в грамматиках, учебниках и учебных пособиях, их отражению в словарях русского литературного языка.

Изучение семантической категории статальности способствует улучшению практического усвоения русского языка, особенно иностранными учащимися, родной язык которых принадлежит к другой группе и семье языков и расходится с русским языком в морфолого-типологическом отношении.

Список литературы

- Бабайцева, 1986 – Бабайцева, В.В. Односоставные предложения в современном русском языке [Текст] / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1968. – 160 с.
- Бирюлин, 1992 – Бирюлин, Л. А. Семантика и прагматика русского превентива [Текст] / Л. А. Бирюлин // Russian Linguistics. – 1992. – Vol. 16. – P. 1–22.

- Буланин, 1976 – Буланин, Л. Л. Трудные вопросы морфологии [Текст] / Л. Л. Буланин. – М. : Просвещение, 1976. – 207 с.
- Буланин, 1986 – Буланин, Л. Л. Категория залога в современном русском языке [Текст] / Л. Л. Буланин. – Л. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1986. – 88 с.
- Вежбицкая, 1996 – Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
- Виноградов, 1972 – Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1972. – 601 с. [1-е изд. 1947].
- Есперсен, 2002 – Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен. – М. : УРСС, 2002. – 408 с.
- Золотова, 1973 – Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 352 с.
- Кацнельсон, 1986 – Кацнельсон, С. Д. О грамматической категории [Текст] / С. Д. Кацнельсон // Общее и типологическое языкознание. – Л. : Наука, 1986. – С. 145–152.
- Князев, 1983 – Князев, Ю. П. Результатив, пассив и перфект в русском языке [Текст] / Ю. П. Князев // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). – Л. : Наука, 1983. – С. 149–160.
- Князев, 1989 – Князев, Ю. П. Акциональность и статальность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -н, -т [Текст] / Ю. П. Князев. – Specimina philologiae Slavicae. – Band 81. – München : Verlag Otto Sagner, 1989. – 271 p.
- Маслов, 1978 – Маслов, Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии [Текст] / Ю. С. Маслов // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – С. 4–44.
- Маслов, 1983 – Маслов, Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид [Текст] / Ю. С. Маслов // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). – Л. : Наука, 1983. – С. 41–54.
- Мещанинов, 1945 – Мещанинов, И.И. Понятийные категории в языке [Текст] / И. И. Мещанинов // Труды Военного ин-та иностр. языков. – М., 1945. – № 1. – С. 5–17.
- Мигирин, 1970 – Мигирин, В. Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? [Текст] / В. Н. Мигирин // Исследования по современному русскому языку. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – С. 150–157.
- Овсяннико-Куликовский, 1912 – Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Синтаксис русского языка [Текст] / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – СПб. : Изд-е И. Л. Овсяннико-Куликовской, 1912. – 313 с.
- Пешковский, 2001 – Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
- Потебня, 1958 – Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. IV. – 320 с.
- Русская грамматика, 2005 – Русская грамматика: В 2 т. [Текст] / гл. ред.: Н. Ю. Шведова. – М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005.
- Тарланов, 1998 – Тарланов, З. К. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия [Текст] / З. К. Тарланов // Филологические науки. – 1998. – № 5–6. – С. 65–75.
- Теория функциональной грамматики, 2014 – Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис [Текст] / отв. ред. : А. В. Бондарко. – М. : Либроком, 2014. – 358 с.
- Типология результативных конструкций, 1983 – Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) [Текст] / отв. ред. В. П. Небялков. – Л. : Наука, 1983. – 260 с.
- Шахматов, 2001 – Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 624 с.
- Щерба, 1974 – Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке [Текст] / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 77–100.

Источники

- Достоевский, Ф. М. Двойник (1846) [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 11.06.2019).
- Достоевский, Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях (1863) [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 13.06.2019).
- Достоевский, Ф. М. Скверный анекдот (1862) [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 13.06.2019).
- Зощенко, М.М. Двадцать лет спустя (1937) [Электронный ресурс] / М. М. Зощенко // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 01.05.2019).
- Зощенко, М. М. История болезни (1938) [Электронный ресурс] / М. М. Зощенко // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 01.05.2019).
- Зощенко, М. М. Смешная история (1932) [Электронный ресурс] / М. М. Зощенко // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 01.05.2019).
- Иванов, А. Комьюнити (2012) [Электронный ресурс] / А. Иванов // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 01.05.2019).
- Маринина, А. Ангелы на льду не выживают (2014) [Электронный ресурс] / А. Маринина // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 04.05.2019).
- Петрушевская, Л. Такая девочка, совесть мира (1987) [Электронный ресурс] / Л. Петрушевская // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 04.05.2019).
- Попов, В. Свободное плавание (2003) [Электронный ресурс] / В. Попов // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 08.05.2019).
- Устинова, Т. Большое зло и мелкие пакости (2003) [Электронный ресурс] / Т. Устинова // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 08.05.2019).
- Шукшин, В. Вечно недовольный Яковлев (1974) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).
- Шукшин, В. Горе (1967) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).
- Шукшин, В. Космос, нервная система и шмат сала (1966) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).
- Шукшин, В. Орагаторский приём (1971) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).
- Шукшин, В. Психопат (1970) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).
- Шукшин, В. «Раскас» (1967) [Электронный ресурс] / В. Шукшин // Национальный корпус русского языка. – URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 12.06.2019).

References

- Babaytseva, V. V. (1968). *Odnosostavnyye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Single-component sentences in modern Russian]. Moscow : Prosveshcheniye Press.
- Biryulin, L. A. (1992). Semantika i pragmatika russkogo preventiva [Semantics and pragmatics of the Russian preventive]. *Russian Linguistics*, 16, 1–22.
- Bulanin, L. L. (1976). *Trudnyye voprosy morfologii* [Challenging morphological issues]. Moscow : Prosveshcheniye Press.
- Bulanin, L. L. (1986). *Kategoriya zaloga v sovremennom russkom yazyke* [The category of voice in modern Russian]. Leningrad : St Petersburg University Press.

- Vezhbitskaya, A. (1996). *Yazyk. Kultura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Moscow : Russkiye slovari Press.
- Vinogradov, V. V. (1972). *Russkiy yazyk: grammaticheskoye ucheniye o slove* [The Russian language: Grammatical theory of the word]. 2nd edition. Moscow : Vysshaya shkola Press (first published in 1947).
- Jespersen, O. (2002). *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow : URSS Press.
- Zolotova, G. A. (1973). *Ocherk funktsionalnogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow : Nauka Press.
- Katsnelson, S. D. (1986). *O grammaticheskoy kategorii* [About grammatical category]. *Obshcheye i tipologicheskoye yazykoznanie* [General and typological linguistics] (pp. 145–152). Leningrad : Nauka Press.
- Knyazev, Yu. P. (1983). Rezultativ, passiv i perfekt v russkom yazyke [Resultative, passive and perfect in the Russian language]. *Tipologiya rezultativnykh konstruksiy (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of resultative constructions (Resultative, stative, passive, perfect)] (pp. 149–160). Leningrad : Nauka Press.
- Knyazev, Yu. P. (1989). *Aktsionalnost i stativnost: ikh sootnosheniye v russkikh konstruksiyakh s prichastiyami na -n, -t* [Actionality and stativity: Their correlation in Russian constructions with participles in -n, -t]. *Specimina philologiae Slavicae, Band 81*. München : Verlag Otto Sagner.
- Maslov, Yu. S. (1978). *K osnovaniyam sopostavitelnoy aspektologii* [The foundations of comparative aspectology]. *Voprosy sopostavitelnoy aspektologii* [Issues of comparative aspectology] (pp. 4–44). Leningrad : Leningrad State University Press.
- Maslov, Yu. S. (1983). Rezultativ, perfekt i glagolnyy vid [Resultative, perfect and aspekt]. *Tipologiya rezultativnykh konstruksiy (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of resultative constructions (Resultative, stative, passive, perfect)] (pp. 41–54). Leningrad : Nauka Press.
- Meshchaninov, I. I. (1945). *Ponyatiynnye kategorii v yazyke* [Cognitive categories in language]. *Trudy Voyennogo in-ta inostr. yazykov* [Works of Military institute of foreign languages], 1, 5–17.
- Migirin, V. N. (1970). Kategoriya sostoyaniya ili bessub'yektnyye prilagatelnyye? [Category of state or subjectless adjectives?]. *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku* [Studies in modern Russian] (pp. 150–157). Moscow : MSU Press.
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. (1912). *Sintaksis russkogo yazyka* [The Russian language syntax]. St Petersburg : I. L. Ovsyaniko-Kulikovskaya Press.
- Peshkovskiy, A. M. (2001). *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kultury Press.
- Potebnya, A. A. (1958). *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From the notes on Russian grammar] (Vol. IV). Moscow : The Academy of Sciences of the USSR Press.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2005). *Russkaya grammatika* [Russian grammar] : In 2 volumes. red.: – Moscow : Vinogradov Russian Language Institute Press.
- Tarlanov, Z. K. (1998). *Russkoye bezlichnoye predlozheniye v kontekste etnicheskogo mirovospriyatiya* [Russian impersonal sentence in the context of ethnic worldview]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 5–6, 65–75.
- Bondarko, A. V. (Ed.). (2014). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Vvedeniye. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [The theory of functional grammar. Introduction. Aspects. Temporary localization. Taxis]. Moscow : Librokom Press.
- Nedyalkov, V. P. (Ed.). (1983). *Tipologiya rezultativnykh konstruksiy (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect)]. Leningrad : Nauka Press.
- Shakhmatov, A. A. (2001) *Sintaksis russkogo yazyka* [The Russian language syntax]. Moscow : Editorial URSS Press.
- Shcherba, L. V. (1974). *O chastyakh rechi v russkom yazyke* [On the parts of speech in the Russian language]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost* [Language system and speech activity] (pp. 77–100). Leningrad : Nauka Press.

Sources

- Dostoyevskiy, F. M. (1846). Dvoynik [The Double]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 11, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Dostoyevskiy, F. M. (1863). Zimniye zametki o letnikh vpechatleniyakh [Winter notes about summer impressions]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 13, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Dostoyevskiy, F. M. (1862). Skvernnyy anekdot [Bad joke]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 13, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Zoshchenko, M. M. (1937). Dvadtsat let spustya [Twenty years later]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Zoshchenko, M. M. (1938). Istoriya bolezni [Medical history]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Zoshchenko, M. M. (1932). Smeshnaya istoriyka [Funny storytelling]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Ivanov, A. (2012). Komyuniti [Community] *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Marinina, A. (2014). Angely na ldu ne vyzhivayut [Angels on ice do not survive] *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 4, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Petrushevskaya, L. (1987). Takaya devochka. sovest mira [Such a girl, the conscience of the world]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Popov, V. (2003). Svobodnoye plavaniye [Free-floating]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 1, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Ustinova, T. (2003). Bolshoye zlo i melkiye pakosti [Big evil and petty dirty tricks] *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved May 8, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1974). Vechno nedovolnyy Yakovlev [Forever dissatisfied Yakovlev]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1967). Gore [Woe]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1966). Kosmos. nervnaya sistema i shmat sala [Space, nervous system and a piece of lard]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1971). Oratorskiy priyem [Rhetorical device]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1970). Psikhopat [Psycho]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.
- Shukshin, V. (1967). Raskas [Tale] . *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved June 12, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.